

ЕВГЕНИЙ
ОНЂИИНЪ,

ГЛАВА IV и V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1828.

ЕВГЕНИЙ ОНЪГИНЪ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

ЕВГЕНИЙ ОНЪГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНИЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1828.

Съ дозволенія Правительства.

**ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
ПЛЕТЕНЬ.**

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

*Не мысля гордый съѣть забавить ,
Вниманье дружбы возлюбя ,
Хотѣль бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣе тебя ,
Достойнѣе души прекрасной ,
Святой исполненной мечты ,
Поэзіи живой и ясной ,
Высокихъ думъ и простоты ;
Но такъ и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ ,
Полу - смѣшныхъ , полу - пегальныхъ ,
Простонародныхъ , идеальныхъ ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ ,
Безсонницъ , легкихъ вдохновеній ,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ ,
Ума холодныхъ наблюдений
И сердца горестныхъ замѣтъ.*

29 декабря, 1827.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

La morale est dans la nature des choses.

N E C K E R.

ЕВГЕНИЙ ОНЪГИНЪ.

—————*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I. II. III. IV. V. VI.

VII.

Чѣмъ меныше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И шѣмъ ее вѣрнѣе губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей.
Разврашъ, бывало, хладнокровной
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубя,
И наслаждаясь не любя.

Но эта важная забава
Достойна спарыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ времянъ:
Ловласовъ обвѣшала слава
Со славой красныхъ каблуковъ
И величавыхъ париковъ.

VIII.

Кому не скучно лицемѣрить,
Различно поворять одно,
Стараться важно въ помъ увѣриТЬ,
Въ чемъ всѣ увѣрены давно,
Все тѣ же слышать возраженья,
Уничтожать предразсужденья,
Которыхъ не было и нѣть
У дѣвочки въ шринадцать лѣтъ!
Кого не упомянуть угрозы,
Моленья, клятвы, мнимый страхъ,

Записки на шести листахъ,
 Обманы, сплетни, кольца, слёзы,
 Надзоры пешокъ, матерей,
 И дружба пяжкая мужей!

IX.

Такъ точно думалъ мой Евгений.
 Онъ въ первой юности своей
 Былъ жертвой бурныхъ заблуждений
 И необузданныхъ спрасшей.
 Привычкой жизни избалованъ,
 Однимъ навремя очарованъ,
 Разочарованный другимъ,
 Желаньемъ медленно помимъ,
 Томимъ и вѣтренымъ успехомъ,
 Внимая въ шумѣ и въ плащи
 Роптанье вѣчное души,
 Звону подавляя смѣхомъ:

Вотъ , какъ убиль онъ восемь лѣтъ ,
Ушрапя жизни лучшій цвѣтъ.

X.

Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся ,
А волочился какъ нибудь ;
Откажупъ , мигомъ упѣшался ;
Измѣняпъ , радъ быль отдохнутъ .
Онъ ихъ искалъ безъ упоенъя ,
А оставлялъ безъ сожалѣнъя ,
Чушь помня ихъ любовь и злость .
Такъ точно равнодушный гость
На вистъ вечерній прѣзжаетъ ,
Садится ; кончилась игра :
Онъ уѣзжаепъ со двора ,
Спокойно дома засыпаетъ ,
И самъ не знастъ поуپру ,
Куда пойдетъ ввечеру .

XI.

Но, получивъ посланье Тани,
 Онѣгинъ живо пронуть быль:
 Языкъ дѣвическихъ мечтаний
 Въ немъ думы роемъ возмущилъ;
 И вспомнилъ онъ Татьяны милой
 И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылой,
 И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
 Душою погрузился онъ.

Быть можетъ, чувствій пыль старинной
 Имъ наминашту овладѣлъ;
 Но обмануть онъ не хопѣлъ
 Довѣрчивоспѣ души невинной.
 Теперь мы въ садъ перелепимъ,
 Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ.

XII.

Минуты двѣ они молчали,
 Но къ ней Онѣгинъ подошелъ

И молвилъ : « Вы ко мнѣ писали ,
 « Не отпирайтесь . Я прочель
 « Души довѣрчivoй признанья ,
 « Любви невинной изліянья ;
 « Мнѣ ваша искренность мила ;
 « Она въ волненье привела
 « Давно умолкнувшія чувства ;
 « Но васъ хвалишь я не хочу ;
 « Я за нее вамъ оплачу
 « Признанье также безъ искусства ;
 « Примише исповѣдь мою :
 « Себя на судъ вамъ опдаю .

XIII.

« Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
 « Я ограничить захочѣль ;
 « Когда бъ мнѣ быть отцомъ , супругомъ
 « Пріятный жребій повелѣль ;

« Когда бъ семейственной карпиной
 « Плѣнился я хошь мигъ единой :
 « То вѣрно бъ кромъ васъ одной
 « Невѣсты не искалъ иной.
 .. Скажу безъ блестокъ мадригальныхъ :
 « Нашедъ мой прежній идеаль ,
 « Я вѣрно бъ васъ одну избралъ
 « Въ подруги дней моихъ печальныхъ ,
 « Всего прекраснаго въ залогъ ,
 « И былъ бы счастливъ... сколько могъ !

XIV.

« Но я не созданъ для блаженства ;
 « Ему чужда душа моя ;
 « Напрасны ваши совершенства ;
 « Ихъ вовсе недостоинъ я.
 .. Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
 · Супружество намъ будетъ мукой.

« Я, сколько ни любилъ бы васъ ,
 « Привыкнувъ , разлюблю тошчасъ ;
 « Начнете плакать : ваши слёзы
 « Не пронутъ сердца моего ,
 « А будуть лишь бѣсить его .
 « Судите жъ вы , какія розы
 « Намъ заготовилъ Гименей
 « И , можетъ быть , на много дней !

XV.

« Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
 « Семи , гдѣ бѣдная жена
 « Грустишь о недостойномъ мужѣ
 « И днемъ и вечеромъ одна ;
 « Гдѣ скучный мужъ , ей цѣну зная
 « (Судьбу однако жъ проклиная) ,
 « Всегда нахмуренъ , молчаливъ ,
 « Сердишь и холодно - ревнивъ !

« Таковъ я. И того ль искали
 « Вы чистой пламенной душой ,
 « Когда съ шакою проспопой ,
 « Съ шакимъ умомъ ко мнѣ писали ?
 « Уже ли жребій вамъ шакой
 « Назначенъ строгою судьбой ?

XVI.

« Мечтамъ и годамъ нѣть возврата ;
 « Не обновлю души моей. . .
 « Я васъ люблю любовью браты
 « И, можешь быть, еще нѣжнѣй.
 « Послушайте жъ меня безъ гнева :
 Смѣнишь неразъ младая дѣва
 « Мечтами легкія мечты ;
 « Такъ деревцо свои листы
 « Мѣняетъ съ каждою весною.
 « Такъ видно Небомъ суждено.

« Полюбите вы снова: но...
 « Учитесь властствовать собою;
 « Не всякой вась, какъ я, поймѣть;
 « Къ бѣдѣ неопытность ведетъ. »

XVII.

Такъ проповѣдоваль Евгений.
 Сквозь слезъ невидя ничего,
 Едва дыша, безъ возраженій,
 Татьяна слушала его.
 Онъ подалъ руку ей. Печально
 (Какъ говорится, машинально)
 Татьяна, молча, оперлась,
 Головкою томною склоняясь,
 Пошла домой вкругъ огорода;
 Явились вмѣстѣ, и никто
 Не вздумалъ имъ пѣнять на то:
 Имѣеть сельская свобода

Свои счастливья права ,
Какъ и надменная Москва.

XVIII.

Вы согласишесь , мой читатель ,
Что очень мило поспушилъ
Съ печальной Таней нашъ пріятель ;
Не въ первый разъ онъ шупъ явиль
Души прямое благородство ,
Хотя людей недоброхочество
Въ немъ не щадило ничего :
Враги его , друзья его
(Что , можетъ быть , одно и тоже)
Его честили такъ и сякъ .
Враговъ имѣеть въ мірѣ всякъ ,
Но отъ друзей спаси нась , Боже !
Ужъ эши мнѣ друзья , друзья !
Объ нихъ недаромъ вспомниль я .

XIX.

А что? Да шакъ. Я усыпляю
Пустыя, черныя мечты;
Я только въ скобкахъ замѣчаю,
Что нѣтъ презрѣнной клеветы,
На чердакъ вралемъ рожденной
И свѣтской чернью ободренной,
Что нѣтъ нелѣпицы шакой,
Ни эпиграммы площадной,
Которой бы вашъ другъ съ улыбкой,
Въ кругу порядочныхъ людей,
Безъ всякой злобы и запѣй,
Не повторилъ спокрашь ошибкой;
А впрочемъ онъ за васъ горой:
Онъ васъ шакъ любилъ... какъ родной!

XX.

Гм. гм. Читатель благородной,
Здорова ль ваша вся родня?

Позвольте: можетъ бытъ, угодно
 Теперь узнать вамъ опъ меня,
 Что значатъ именно родные.
 Родные люди вошь какіе:
 Мы ихъ обязаны ласкатъ,
 Любить, душевно уважать
 И, по обычаю народа,
 О Рождествѣ ихъ навѣщать,
 Или по почтѣ поздравлять,
 Чтобъ осталльное время года
 Не думали о насъ они...
 И такъ дай, Богъ, имъ долги дни!

XXI.

За то любовь красавицъ нѣжныхъ
 Надежнѣй дружбы и родства:
 Надъ нею и средь бурь мяшежныхъ
 Вы сохраняюще права.

Конечно такъ. Но вихорь моды,
 Но своенравіе природы,
 Но мнѣнья свѣтскаго пошокъ...
 А милый полъ, какъ пухъ, легокъ.
 Къ тому жъ и мнѣнія супруга
 Для добродѣтельной жены
 Всегда почтенны быть должны;
 Такъ ваша вѣрная подруга
 Бываєть вмигъ увлечена:
 Любовью шутить самана.

XXII.

Кого жъ любить? Кому же вѣриТЬ?
 Кто не измѣнить намъ одинъ?
 Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣриТЬ
 Услужливо на нашъ аршинъ?
 Кто клеветы про насъ не сѣеть?
 Кто насъ заботливо лелѣяетъ?

Кому порокъ нашъ не бѣда ?
 Кто не наскучилъ никогда ?
 Призрака суешный искашель ,
 Трудовъ напрасно не губя ,
 Любише самаго себя ,
 Почтенный , милый мой читашель !
 Предметъ достойный : ничего
 Любезнѣй вѣрно нѣшь его .

XXIII.

Что было слѣдствіемъ свиданья ?
 Увы , не прудно угадашь !
 Любви безумныя спраданья
 Не перестали волновать
 Младой души , печали жадной ;
 Нѣшь , пуще спрасью безошрадной
 Татьяна бѣдная гориши ;
 Ея пошли сонъ бѣжиши ;

Здоровье, жизни цвѣть и сладость,
 Улыбка, девственныи покой,
 Пропало все, что звукъ пустой,
 И меркнетъ милой Тани младость:
 Такъ одѣваешь бури тѣнь
 Едва раждающійся день.

XXIV.

Увы, Татьяна увядаетъ,
 Блѣднѣетъ, гаснешъ и молчитъ!
 Ничто ее не занимаетъ,
 Ея души не шевелишъ.
 Качая важно головою,
 Сосѣды шепчутъ межъ собою:
 Пора, пора бы замужъ ей!...
 Но полно. Надо мнѣ скорѣй
 Развеселить воображенье
 Картиною счастливой любви.

Мнѣ грустно, милые мои !
 Меня спѣсняетъ сожалѣніе ;
 Проспите мнѣ: я такъ люблю
 Татьяну милую мою !

XXV.

Часъ отъ часу плѣненный болѣ
 Красами Ольги молодой,
 Владиміръ сладостной неволѣ
 Предался полною душой.
 Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ
 Они сидячи вполемкахъ двое ;
 Они въ саду, рука съ рукой ,
 Гуляютъ ушренней порой;
 И что жъ ? Любовью упоенный ,
 Въ смятеньи нѣжнаго спыда ,
 Онъ только смѣетъ иногда ,
 Улыбкой Ольги ободренный ,

Развивымъ локономъ играть ,
Иль край одежды цѣловашь .

XXVI.

Онъ иногда чишаешьъ Оль
Нравоучительный романъ ,
Въ которомъ авшоръ знаешьъ болѣ
Природу , чѣмъ Шатобріанъ ;
А между шѣмъ двѣ , три страницы
(Пустыя бредни , небылицы ,
Опасныя для сердца дѣвъ)
Онъ пропускаешьъ покраснѣвъ .
Уединяясь отъ всѣхъ далѣко ,
Они надъ шахматной доской ,
На споль облокотясь , порой
Сидяшъ , задумавшись глубоко ,
И Ленскій пышкою ладью
Берешь въ разсѣяныи свою .

XXVII.

Пойдепть ли домой : и дома
 Онъ заняпть Ольгою своей.
 Лепучіе листки альбома
 Прилѣжно украшаепть ей:
 То въ нихъ рисуепть сельски виды,
 Надгробный камень , храмъ Киприды ,
 Или на лирѣ голубка
 Перомъ и красками слегка ;
 То на листахъ воспоминанья ,
 Пониже подписи другихъ ,
 Онъ оставляепть иѣжныи стихъ ,
 Безмолвный памятникъ мечтанья ,
 Мгновенной думы легкій слѣдъ ,
 Все топтъ же послѣ многихъ лѣпъ .

XXVIII.

Конечно вы неразъ видали
 Уѣздной барышни альбомъ ,

Что всѣ подружки измѣрали
Съ конца, съ начала и кругомъ.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи безъ мѣры, по преданью,
Въ знакъ дружбы вѣрной внесены,
Уменьшены, продолжены.
На первомъ листикѣ вспрѣчаешь
Qu'écrirez vous sur ces tablettes;
И подпись: т. а. в. Annette;
А на послѣднемъ прочитаешь:
«Кто любить болѣе тебя,
«Пусть пишетъ далѣе меня. »

XXIX.

Тупъ непремѣнно вы найдете
Два сердца, факель и цвѣтки;
Тупъ вѣрно клятвы вы прочтете
Въ любви до гробовой доски;

Какой нибудь *пілтъ* армейской
 Тупъ подмахнуль спишокъ злодѣйской.
 Въ такой альбомъ, мои друзья,
 Признашься, радъ писать и я,
 Увѣренъ будучи душою,
 Что всякой мой усердный вздоръ
 Заслужишъ благосклонный взоръ,
 И что потомъ съ улыбкой злою
 Не спанутъ вѣрно разбирашъ,
 Остро ль, иль нѣшъ, я могъ соврашъ.

XXX.

Но вы, разрозненные шомы
 Изъ библіошеки чершай,
 Великолѣпные альбомы,
 Мученье модныхъ риомачай,
 Вы, украшенные проворно
 Т — кистью чудошворной,

Иль Б — перомъ ,
Пускай сожжешь вась Божій громъ !
Когда блистательная дама
Мнѣ свой in - quarto поднесеть ,
И дрожь и злость меня берешь ,
И шевелишся эпиграма
Во глубинѣ моей души ,
А мадригалы имъ пиши !

XXXI.

Не мадригалы Ленскій пишешь
Въ альбомъ Ольги молодой ;
Его перо любовью дышешь ,
Не хладно блещепть остропой ;
Что ни замѣтишь , ни услышишь
Объ Ольгѣ , онъ про то и пишешь :
И полны испинны живой
Текутъ элегіи рѣкой .

Такъ ты, Я — вдохновенный,
 Въ порывахъ сердца своего ,
 Поешь , Богъ вѣдаешь , кого ,
 И сводъ элегій драгоцѣнныій
 Представишь нѣкогда шебѣ
 Всю повѣсть о твоей судьбѣ.

XXXII.

Но пиши ! Слышишь ? Кришикъ строгой
 Повелѣваешь сбросить намъ
 Элегіи вѣнокъ убогой ,
 И нашей братъѣ риѣмачамъ
 Кричишь : « да перестаньше плакашь ,
 « Или одно и тоже квакашь ,
 « Жалѣть о прежнемъ , о быломъ :
 « Довольно , пойти о другомъ ! »
 — Ты правъ , и вѣрно намъ укажешь
 Трубу , личину и кинжалъ ,

И мыслей мершвый капиталъ
 Отсюда воскресиши прикажешь :
 Не шакъ ли, другъ ? Ничуть. Куда !
 « Пишише оды , господа ,

XXXIII.

« Какъ ихъ писали въ мощны годы ,
 « Какъ было вспарь заведено. . . »
 — Однѣ торжественныя оды !
 И, полно , другъ ; не все ль равно ?
 Припомнни , что сказалъ сапирикъ !
 Чужаго толка хитрый лирикъ
 Уже ли для шебя сноснѣй
 Унылыхъ нашихъ риомачей ? —
 « Но все въ элегіи ничтожно ;
 « Пуская цѣль ея жалка ;
 « Межъ пѣмъ цѣль оды высока
 « И благородна. . . » Тутъ бы можно

Поспорить намъ, но я молчу:
Два вѣкассорить не хочу.

XXXIV.

Поклонникъ славы и свободы,
Въ волненъи бурныхъ думъ своихъ,
Владиміръ и писаль бы оды,
Да Ольга не читала ихъ.

Случалось ли поэтамъ слезнымъ
Читать въ глаза своимъ любезнымъ
Свои творенья? Говорятъ,
Что въ мірѣ выше нѣшь наградъ.
И впрямъ, блаженъ любовникъ скромной,
Читающій мечты свои
Предмету пѣсень и любви,
Красавицѣ пріятно-тѣмной!
Блаженъ... хоть, можетъ быть, она
Совсѣмъ инымъ развлечена.

XXXV.

Но я плоды моихъ мечтаний
 И гармоническихъ запѣй
 Чишаю шолько старой няни,
 Подругъ юности моей,
 Да послѣ скучнаго обѣда
 Ко мнѣ забредшаго сосѣда,
 Поймавъ неждано за полу,
 Душу трагедіей въ углу,
 Или (но эшо кромѣ шутокъ),
 Тоской и риѳмами помимъ,
 Бродя надъ озеромъ моимъ,
 Пугаю спадо дикихъ утокъ:
 Внявъ пѣнью сладкозвучныхъ спрофъ,
 Онѣ слепаютъ съ береговъ.

XXXVI.

Ужъ ихъ далече взоръ мой ищетъ...
 А лѣсомъ кравшійся спрѣлокъ

Поэзію клянеть и свищешь ,
 Спуская бережно курокъ .
 У всякаго своя охопа ,
 Своя любимая забота :
 Кто цѣлишь въ упоръ изъ ружья ,
 Кто бредишь рилемами , какъ я ,
 Кто бьешь хлопушкой мухъ нахальныхъ ,
 Кто правишь въ замыслахъ штолой ,
 Кто забавляешься войной ,
 Кто въ чувствахъ нѣжишься печальныхъ ,
 Кто занимается виномъ :
 И благо смѣшано со зломъ .

XXXVII.

А чложъ Онѣгинъ ? Кспати , братья !
 Терпѣнья вашего прошу :
 Его вседневныя занятія
 Я вамъ подробно опишу .

Онѣгинъ жилъ Анахорешомъ;
 Въ седьмомъ часу вспавалъ онъ лѣтомъ
 И отправлялся налегкѣ
 Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ;
 Пѣвицу Гюльнары подражая,
 Сей Геллеспоншъ переплывалъ,
 Потомъ свой кофе выпивалъ,
 Плохой журналъ перебирая,
 И одѣвался.

XXXVIII.

XXXIX.

Прогулки, чтеніе, сонъ глубокой,
 Лѣсная тѣнь, журчанье спруй,
 Порой бѣлянки черноокой
 Младой и свѣжій поцѣмуй,

Уздѣ послушный конь репивый,
 Обѣдъ довольно прихопливый,
 Бупылка свѣшлаго вина,
 Уединенье, шишина:
 Волть жизнь Онѣгина святая;
 И нечувствительно онъ ей
 Предался, красныхъ лѣпнихъ дней
 Въ безпечной нѣгѣ не счиная,
 Забывъ и городъ и друзей
 И скуку праздничныхъ запѣй.

XL.

Но наше сѣверное лѣто,
 Каррикапура южныхъ зимъ,
 Мелькнешь и нѣтъ: извѣстно это,
 Хоть мы признаться не хотимъ.
 Ужъ небо осенью дышало,
 Ужъ рѣже солнышко блиспало,

Короче спановился день,
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась,
Ложился на поля пуманъ,
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Спояль ноябрь ужъ у двора.

XLI.

Встаепть заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчиюю голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ — и пушникъ оспорожный
Несется въ гору во весь духъ;
На упренней зарѣ паспухъ

Не гонишь ужъ коровъ изъ хлѣва,
 И въ часъ полуденный въ кружокъ
 Ихъ не зовешь его рожокъ;
 Въ избушкѣ распѣвая, дѣва
 Прядешь, и, зимнихъ другъ начей,
 Трещишь лучинка передъ ней.

XLII.

И волгъ уже трещашь морозы
 И серебряшся средь полей...
 (Чишатель ждепъ ужъ рионы: розы;
 На, волгъ возми ее скорѣй!)
 Опрашнѣй моднаго паркета,
 Блистаешь рѣчка, льдомъ одѣша.
 Мальчишекъ радосный народъ
 Коньками звучно рѣженъ лѣдъ;
 На красныхъ лапкахъ гусь шяжелый,
 Задумавъ плыть по лону водъ,

Ступаетъ бережно на лѣдъ,
 Скользитъ и падаетъ; веселый
 Мелькаешь, въеся первый снѣгъ,
 Звѣздами падая на брегъ.

XLIII.

Въ глухи что дѣлать въ эту пору?
 Гулять? Деревня той порой
 Невольно докучаетъ взору
 Однообразной наготой.
 Скакать верхомъ въ степи суровой?
 Но конь, пришупленной подковой
 Невѣрный зацѣпляя ледъ,
 Того и жди, что упадешь.
 Сиди подъ кровлею пустынной,
 Читай: вотъ Прадѣль, вотъ W. Scott!
 Не хочешь? Повѣряй разходъ,
 Сердись, иль пей, и вечеръ длинной

Кой - какъ пройдешь , и завтра шожъ ,
И славно зиму проведёшь.

XLIV.

Прямымъ Онѣгинъ Чильдъ Гарольдомъ
Вдался въ задумчивую лѣнъ :
Со сна садится въ ванну со льдомъ ,
И послѣ , дома цѣлый день ,
Одинъ , въ расчепы погруженный ,
Тупымъ кіемъ вооруженный ,
Онъ на бильярдѣ въ два шара
Играетъ съ самаго упра.
Наспанешь вечеръ деревенскій :
Бильярдѣ осшавленъ , кій забытъ ,
Передъ каминомъ сполъ накрытъ ,
Евгеній ждетъ ; вошь ъдеть Ленскій
На пройкѣ чалыхъ лошадей :
Давай обѣдать поскорѣй !

XLV.

Вдовы Клико или Моэта

Благословенное вино

Въ бутылкѣ мерзлой для поэта

На столъ шопчасъ принесено.

Оно сверкаетъ Ипокрепой;

Оно своей игрой и пѣной

(Подобіемъ того - сего)

Меня плѣняло: за него

Послѣдній бѣдный лепитъ, бывало,

Давалъ я, помните ль, друзья?

Его волшебная спруя

Раждала глупостей не мало,

А сколько шупокъ и спиховъ

И споровъ и веселыхъ сновъ!

XLVI.

Но измѣняетъ пѣной шумной

Оно желудку моему,

*И я бордо благоразумной
Ужъ нынъче предпочелъ ему.
Къ аи я больше не способенъ;
Аи любовницѣ подобенъ
Блестящей, вѣпреной, живой,
И своенравной, и пустой...
Но шы, бордо, подобенъ другу,
Который, въ горѣ и бѣдѣ,
Товарищъ завсегда вездѣ,
Готовъ намъ оказать услугу,
Иль тихой раздѣлишь досугъ.
Да здравствуетъ бордо нашъ другъ!*

XLVII.

*Огонь потухъ; едва золою
Подернутъ уголь золотой;
Едва замѣтною струёю
Вієтся паръ, и теплотой*

Каминь чупъ дышепъ. Дымъ изъ трубокъ
 Въ трубу уходитъ. Свѣтлый кубокъ
 Еще шипитъ среди спола.

Вечерняя находитъ мгла...

(Люблю я дружескія врачи
 И дружескій бакаль вина
 Порою той, что названа
 Пора межъ волка и собаки,
 А почему, не вижу я.)
 Теперь бесѣдуютъ друзья :

XLVIII.

« Ну, что сосѣдки? Что Ташьяна?
 Что Ольга рѣзвая швоя? »
 — Налей еще мнѣ полшакана...
 Довольно, милый... Вся семья
 Здорова; кланяпться велѣли.
 Ахъ, милый, какъ похорошѣли

У Ольги плечи , чшто за грудь !
 Чшто за душа ! . . . Когда нибудь
 Заѣдемъ къ нимъ ; ты ихъ обяжешь ;
 А то , топ chег , суди шы самъ :
 Два раза заглянуль , а шамъ
 Ужъ къ нимъ и носу не покажешь .
 Да вонъ . . . какой же я болванъ !
 Ты къ нимъ на шой недѣлѣ званъ . —

XLIX.

« Я ? » — Да , Тапьяны имянины
 Въ субботу . Олинька и мать
 Велѣли звать , и нѣпть причины
 Тебѣ на зовъ не прїѣзжать . —
 « Но куча будешь шамъ народу
 И всякаго такаго сброду . . . »
 — И , никого , увѣренъ я !
 Кто будешь шамъ ? своя семья .

Поѣдемъ, сдѣлай одолженье !
 Ну чшожъ ? — «Согласенъ.» Какъ ты миль!
 При сихъ словахъ онъ осушилъ
 Стаканъ, сосѣдкѣ приношенье,
 Попомъ разговорился вновь
 Про Ольгу : шакова любовь.

Л.

Онъ весель былъ. Чрезъ двѣ недѣли
 Назначенъ былъ счастливый срокъ.
 И шайна брачныя пошли
 И сладоспной любви вѣнокъ
 Его воспорговъ ожидали.
 Гимена хлопоты , печали,
 Завѣты хладная чреда
 Ему не снились никогда.
 Межъ шѣмъ какъ мы , враги Гимена ,
 Въ домашней жизни зrimъ одинъ

Рядъ упомищельныхъ каршинъ,
 Романъ во вкусъ Лафоншена...
 Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ онъ
 Для оной жизни былъ рождёнъ.

LI.

Онъ былъ любимъ... по крайней мѣрѣ
 Такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ.
 Стократъ блаженъ, кто, въ теплой вѣрѣ
 Холодный умъ угомонивъ,
 Покоится въ сердечной нѣгѣ,
 Какъ пьяный пушникъ на ночлегѣ,
 Или, нѣжнѣй, какъ мошылѣкъ,
 Въ весенній впившійся цвѣтокъ;
 Но жалокъ шопть, кто все предвидитъ,
 Чья не кружилася голова,
 Кто всѣ движенія, всѣ слова
 Въ ихъ переводѣ ненавидитъ,

Чье сердце опытъ остыдиль
И забываться запрещилъ !

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ,
Ты, моя Свѣтлана!

Жуковскій.

ЕВГЕНИЙ ОНЪГИНЪ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Въ шопть годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ,
Зимы ждала, ждала природа.
Снѣгъ выпалъ�ко въ январѣ
На шрешье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поушру побѣльшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ,

На спеклахъ легкіе узоры ,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ
И мягко успанныя горы
Зими блистаельнымъ ковромъ.
Все ярко , все бѣло кругомъ.

II.

Зима ! ... Крестьянинъ торжествуя
На дровняхъ обновляешь пушь ;
Его лошадка , снѣгъ почужа ,
Плещется рысью какъ нибудь ;
Бразды пущиспая взрывая ,
Лепишь кибитка удалая ;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ шулупѣ , въ красномъ кушакѣ .
Вотъ бѣгаешь дворовый мальчикъ ,
Въ салазки жутку посадивъ ,

Себя въ коня преобразивъ;
 Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
 Ему и больно и смѣшно,
 А машь грозишь ему въ окно. . .

III.

Но, можетъ быть, такаго рода
 Карпины васъ не привлекутъ:
 Все это низкая природа;
 Изящнаго немногого шупъ.
 Согрѣшай вдохновенья богомъ,
 Другой поэти роскошнымъ слогомъ
 Живописаль намъ первый снѣгъ
 И всѣ отпечатки зимнихъ нѣгъ:
 Онъ васъ плѣнилъ, я въ пломъ увѣренъ,
 Рисуя въ пламенныхъ спихахъ
 Прогулки тайныхъ въ саняхъ;
 Но я борошься не намѣренъ

Ни съ нимъ покамѣстъ , ни съ тобой ,
Пѣвецъ Финляндки молодой !

IV.

Татьяна (Руская душою ,
Сама не зная , почему)
Съ ея холодною красою
Любила рускую зиму ,
На солнцѣ иній въ день морозной ,
И сани , и зарею поздной
Сіянье розовыхъ снѣговъ ,
И мглу крещенскихъ вечеровъ .
По старинѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эти вечера :
Служанки со всего двора
Про барышень своихъ гадали
И имъ сулили каждый годъ
Мужей военныхъ и походъ .

V.

Татьяна вѣрила преданьямъ
 Проспонародной старины ,
 И снамъ , и карточнымъ гаданьямъ ,
 И предсказаниемъ луны.
 Ее превожили примѣты ;
 Таинственно ей всѣ предметы
 Провозглашали чѣо нибудь ,
 Предчувствія тѣснили грудь .
 Жеманный лъ копъ , на печкѣ сидя ,
 Мурлыча , лапкой рыльцо мыль :
 То несомнѣнныиий знакъ ей былъ ,
 Чѣо будуть госпи . Вдругъ увидя
 Младой двурогой ликъ луны
 На небѣ съ лѣвой спороны ,

VI.

Она дрожала и блѣднѣла .
 Когда жъ падучая звѣзда

По небу темному лепѣла
 И разсыпалася ; шогда
 Въ смяшеныи Таня торопилась ,
 Пока звѣзда еще кашилась ,
 Желанье сердца ей шепнулось .
 Когда случалось гдѣ нибудь
 Ей встрѣтишь доброго монаха ,
 Иль быстрый заяцъ межъ полей
 Перебѣгалъ дорогу ей ;
 Не зная , что начать со страха ,
 Предчувствуя горестныхъ полна ,
 Ждала несчастья ужъ она .

VII.

Чпожъ ? Тайну прелестъ находила
 И въ самомъ ужасѣ она :
 Такъ нась природа сопворила ,
 Къ прошиворѣчію склонна .

Наспали свяшки. То-шо радость !
 Гадаешь вѣтренная младость ,
 Которой ничего не жаль ,
 Передъ каторой жизни даль
 Лежитъ свѣща , необозрима ;
 Гадаешь спаросить сквозь очки
 У гробовой своей доски ,
 Все потерявъ невозвратимо ;
 И все равно : надежда имъ
 Лжетъ дѣлскимъ лепетомъ своимъ .

VIII.

Татьяна любопытнымъ взоромъ
 На воскъ пополненный глядитъ :
 Онъ чудно - вылипымъ узоромъ
 Ей чшо - то чудное гласитъ ;
 Изъ блюда , полнаго водою ,
 Выходяшъ кольца чередою ;

И вынулось колечко ей
 Подъ пѣсенку спаринныхъ дней :
 « Тамъ мужики - то все богаты ;
 • Гребутъ лопатой серебро ;
 « Кому поемъ , тому добро
 « И слава ! » Но сулишь упраты
 Сей пѣсни жалостный напѣвъ ;
 Милѣй кошурка сердцу дѣвъ.

IX.

Морозна ночь ; все небо ясно ;
 Свѣшилъ небесныхъ дивный хоръ
 Течетъ такъ пихо , такъ согласно . . .
 Татьяна на широкій дворъ
 Въ открытомъ плащаницѣ выходишь ,
 На мѣсяцъ зеркало наводишь ;
 Но въ темномъ зеркалѣ одна
 Дрожишь печальная луна . . .

Чу... снѣгъ хрушишъ... прохожій; дѣва
 Къ нему на цыпочкахъ лепишъ
 И голосокъ ея звучишъ,
 Нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва:
Какъ ваше имя? Смопришъ онъ
 И отвѣчашъ: Агаѳонъ.

X.

Татьяна, по совѣту няни,
 Сбираясь ночью ворожишь,
 Тихонько приказала въ бани
 На два прибора сшоль накрыши;
 Но стало страшно вдругъ Татьянѣ...
 И я — при мысли о Свѣтланѣ
 Мне стало страшно — шакъ и бышъ...
 Съ Татьяной намъ не ворожишь.
 Татьяна поясокъ шелковой
 Сняла, раздѣлась и въ постель

Легла. Надъ нею вьется Лель ,
А подъ подушкою пуховой
Дѣвичье зеркало лежишъ.
Ушихило все. Тапъяна спиши.

XI.

И снится чудный сонъ Тапъянѣ.
Ей снится , будто бы она
Идешъ по снѣговой полянѣ ,
Печальной мглой окружена ;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумишъ , клубишъ волной своею
Кипучій , шемный и сѣдой
Попокъ , не скованный зимой ;
Двѣ жердочки , склеены льдиной ,
Дрожащій , гибельный моспокъ ,
Положены черезъ попокъ :
И предъ шумящею пучиной ,

Недоумѣнія полна ,
Остановилася она.

XII.

Какъ на досадную разлуку ,
Ташьяна ропщепъ на ручей ;
Не видишъ никого , кто руку
Съ шой спороны подалъ бы ей ;
Но вдругъ сугробъ зашевелился ,
И кпожъ изъ - подъ него явился ?
Большой взъерошенный медвѣдь ;
Ташьяна ахъ , а онъ ревѣшъ ,
И лапу съ острыми когтями
Ей пропянуль ; она скрѣпясь
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливыми шагами
Перебралась черезъ ручей ;
Пошла — и кпожъ ? медвѣдь за ней .

XIII.

Она , взглянушь назадъ не смѣя ,
Поспѣшный ускоряешь шагъ ;
Но отъ косматаго лакея
Не можешъ убѣжать никакъ ;
Кряхтя , валишь медвѣдь несносный ;
Предъ ними лѣсь ; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ ;
Ошягчены ихъ вѣшви всѣ
Клоками снѣга ; сквозь вершины
Осинъ , березъ и липъ нагихъ
Сіяешь лучъ свѣшиль ночныхъ ;
Дороги нѣть ; кусты , спремнины
Мяшелью всѣ занесены ,
Глубоко въ снѣгъ погружены .

XIV.

Ташляна въ лѣсь ; медвѣдь за нею ;
Снѣгъ рыхлой поколѣно ей ;

То длинный сукъ ее за шею
 Зацѣпить вдругъ , что изъ ушей
 Златыя серги вырвешь силой ;
 То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки милой
 Увязнешь мокрой башмачокъ ;
 То выронишь она плашокъ ;
 Подняшь ей нѣкогда ; боишся ,
 Медвѣдя слышишь за собой ,
 И даже трепетной рукой
 Одежды край поднять сшидишся ;
 Она бѣжитъ , онъ все вослѣдъ :
 И силь бѣжать ей нѣшъ .

XV.

Упала въ снѣгъ ; медвѣдь проворно
 Ее подъемлешь и несешь ;
 Она безчувственно - покорна ,
 Не шевелишся , не дохнешь ;

Онъ мчить ее лѣсной дорогой ;
 Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогой ;
 Кругомъ все глуши ; отвсюду онъ
 Пустыннымъ снѣгомъ занесёнъ ,
 И ярко свѣтится окошко ,
 И въ шалашѣ ужасный шумъ ;
 Медвѣдь промолвилъ : *здесь мой кумъ* ;
Погрейся у него немножко ;
 И въ сѣни прямо онъ идешъ ,
 И на порогъ ее кладеть .

XVI.

Опомнилась , глядить Татьяна :
 Медвѣдя нѣть ; она въ сѣняхъ ;
 За дверью крикъ и звонъ стакана ,
 Какъ на большихъ похоронахъ ;
 Не видя пушь ни капли толку ,
 Глядить она тихонько въ щёлку ,

И что же! видишь... за споломъ
Сидяшъ чудовища кругомъ ;
Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой ,
Другой съ лѣпушьей головой ,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой ,
Тупъ шевелился хоботъ гордой ,
Тамъ карла съ хвостикомъ , а вонъ
Полу - журавль и полу - копъ.

XVII.

Тамъ суепливый ежъ въ ливреѣ ,
Тамъ ракъ верхомъ на паукѣ ,
Тамъ черепъ на гусинной шеѣ
Вертишся въ красномъ колпакѣ ,
Тамъ мѣльница въ мундирѣ пляшетъ
И крыльями трещитъ и машетъ ;
Визгъ , хохочъ , свистъ и хлопъ ,
Людская моль и конской толь !

Но чио подумала Ташьяна ,
 Когда узнала межъ гостей
 Того , кло милъ и спрашень ей ,
 Героя нашего романа !
 Онѣгинъ за споломъ сидитъ
 И въ дверь украдкою глядитъ.

XVIII.

Онъ знакъ подаспѣ : и всѣ хлопочутъ ;
 Онъ пьептъ : всѣ пьюпть и всѣ кричатъ ;
 Онъ засмѣялся : всѣ хохочутъ ;
 Нахмурипть брови : всѣ молчатъ ;
 Онъ шамъ хозяинъ , это ясно :
 И Танѣ ужъ не шакъ ужасно ,
 И любопытная шеперь
 Немного расшворила дверь . . .
 Вдругъ вѣшерь дунуль , загашая
 Огонь свѣшильниковъ ночныхъ ;

Смущилась шайка домовыхъ ;
 Онѣгинъ, взорами сверкая ,
 Изъ - за спола гремя встаешь ;
 Всѣ встали : онъ къ дверямъ идетъ.

XIX.

И спрашно ей ; и торопливо
 Татьяна силился бѣжать :
 Нельзя никакъ ; не терпѣливо
 Мечтаясь , хочеть закричать :
 Не можетъ ; дверь толкнулъ Евгений :
 И взорамъ адскихъ привидѣній
 Явилась дѣва ; ярый смѣхъ
 Раздался дико ; очи всѣхъ ,
 Копыта , хоботы кривые ,
 Хвосты , хохлатые клыки ,
 Усы , кровавы языки ,
 Рога и пальцы костяные ,

Все указуетъ на нее,
И всѣ кричашъ: мое! мое!

XX.

Moe! сказалъ Евгений грозно ,
И шайка вся сокрылась вдругъ;
Осталася во шмѣ морозной
Младая дѣва съ нимъ самъ - другъ ;
Онѣгинъ пихо увлекаешъ
Татьяну въ уголь и слагаетъ
Ее на шапкую скамью
И клонишъ голову свою
Къ ней на плечо ; вдругъ Ольга входишъ,
За нею милой ; свѣтиль блеснуль ;
Онѣгинъ руку замахнуль
И дико онъ очами бродишъ ,
И незванныхъ гостей бранишъ :
Татьяна чушь жива лежишъ.

XXI.

Споръ громче , громче : вдругъ Евгений
 Хватаетъ длинный ножъ , и вмигъ
 Поверженъ Ленскій ; спрашно тѣни
 Сгустились ; нестерпимый крикъ
 Раздался... хижина шапнулась . . .
 И Таня въ ужасѣ проснулась . . .
 Глядитъ , ужъ въ комнатѣ свѣпло ;
 Въ окнѣ сквозь мерзлое стекло
 Зари багряный лучъ играетъ ;
 Дверь отворилася . Ольга къ ней ,
 Авроры сѣверной алѣй
 И легче ласточки , влетаетъ ;
 Ну , говори : скажи жъ ты мнѣ ,
 Кого ты видѣла во снѣ ?

XXII.

Но ша , сестры не замѣчая ,
 Въ постель съ книгою лежитъ ,

За листомъ листъ перебиралъ,
 И ничего не говориши.
 Хоть не являла книга эша
 Ни сладкихъ вымысловъ поэша,
 Ни мудрыхъ испинъ, ни каршинъ;
 Но ни Виргилій, ни Расинъ,
 Ни Скошпъ, ни Байронъ, ни Сенека,
 Ни даже дамскихъ модъ журналъ
 Такъ никого не занималь:
 То быль, друзья, Маршынъ Задека,
 Глава халдейскихъ мудрецовъ,
 Гадашель, шолковашель сновъ.

XXIII.

Сie глубокое шворенье
 Завѣсь кочующій купецъ
 Однажды къ нимъ въ уединенье
 И для Ташьяны наконецъ

Его съ разрозненной *Мальвиной*
 Онъ уступиль за три съ полпиной,
 Въ придачу взявъ еще за нихъ
 Собранье басенъ площадныхъ ,
 Граммашику , двѣ Петріады ,
 Да Мармонтиля трешій томъ.
 Марпынъ Задека сталъ попомъ
 Любимецъ Тани... Онъ отрады
 Во всѣхъ печаляхъ ей даришь
 И безотлучно съ нею спилъ.

XXIV.

Ее превожишь сновидѣнье.
 Не зная , какъ его понять ,
 Мечтанья спрашнаго значенье
 Татьяна хочепть опыскать.
 Татьяна въ оглавлении крапкомъ
 Находитъ азбучнымъ порядкомъ

Слова : боръ , буря , воронъ , ель ,
 Ежъ , мракъ , моспокъ , медвѣдь , мяпель
 И прочая . Ея сомнѣній
 Маршынъ Задека не рѣшилъ ;
 Но сонъ зловѣщій ей сулилъ
 Печальныхъ много приключеній .
 Дней нѣсколько она пошомъ
 Все беспокоилась о томъ .

XXV.

Но вотъ багряною рукою
 Заря отъ упреннихъ долинъ
 Выводитъ съ солнцемъ за собою
 Веселый праздникъ имянинъ .
 Съ упра домъ Лариной госпями
 Весь полонъ ; цѣлыми семьями
 Сосѣды съѣхались въ возкахъ ,
 Въ кибиткахъ , въ бричкахъ и въ саняхъ .

Въ передней шолкотня , тревога ;
 Въ гостиной вспрѣча новыхъ лицъ ,
 Лай мосекъ , чвоканье дѣвицъ ,
 Шумъ , хохопъ , давка у порога ,
 Поклоны , шарканье госпей ,
 Кормилицъ крикъ и плачь дѣтей .

XXVI.

Съ своей супругою дородной
 Пріѣхалъ полстый Пустяковъ ;
 Гвоздинъ , хозяинъ превосходной ,
 Владѣлецъ нищихъ мужиковъ ;
 Скотинины , чепа сѣдая ,
 Съ дѣшьми всѣхъ возрастовъ , считая
 Опъ тридцати до двухъ годовъ ;
 Уѣздный франпикъ Пѣпушковъ ;
 Мой братъ двоюродный Буяновъ ,
 Въ пуху , въ карпузѣ съ козырькомъ

* *

(Какъ вамъ конечно онъ знакомъ),
 И отставный совѣтникъ Фляновъ,
 Тяжелый сплетникъ, старый плутъ,
 Обжора, взяточникъ и шутъ.

XXVII.

Съ семьей Панфилы Хорликова
 Прѣхалъ и мосье Трике,
 Осپрякъ, недавно изъ Тамбова,
 Въ очкахъ и въ рыжемъ парикѣ.
 Какъ испинный Французъ, въ карманѣ
 Трике привезъ куплетъ Татьянѣ
 На голось, знаемый дѣтьми:
Reveillez vous, belle endormie.
 Межъ вѣпшихъ пѣсенъ альманаха
 Былъ напечатанъ сей куплетъ;
 Трике, догадливый поэтъ,
 Его на свѣтъ явилъ изъ праха

И съѣло вмѣсто belle Nina
Поставилъ belle Tatiana.

XXVIII.

И вонъ изъ ближняго посада
Созрѣвшихъ барышень кумиръ ,
Уѣздныхъ машушекъ оправа ,
Пріѣхалъ ротный командиръ ;
Вошелъ... Ахъ , новость , да какая !
Музыка будеить полковая !
Полковникъ самъ ее послалъ.
Какая радость : будеить баль !
Дѣвчонки прыгають заранѣ ;
Но кушать подали . Четой
Идутъ за споль рука съ рукой.
Тѣснятся барышни къ Ташьянѣ ;
Мужины прошивъ : и крестясь
Толпа жужжитъ за споль садясь.

XXIX.

Намигъ умолкли разговоры ;
 Успа жують. Со всѣхъ спороноъ
 Гремяпъ тарелки и приборы ,
 Да рюмокъ раздается звонъ.
 Но вскорѣ гости понемногу
 Подъемлюпъ общую превогу .
 Никто не слушаетъ , кричатъ ,
 Смѣюпся , спорятъ и пищатъ.
 Вдругъ двери настежъ. Ленскій входитъ
 И съ нимъ Онѣгинъ. «Ахъ , Творецъ !
 Кричипъ хозяйка , наконецъ ! »
 Тѣсняпся гости , всякъ отводитъ
 Приборы , спулья поскорѣй ;
 Зовутъ , сажаютъ двухъ друзей .

XXX.

Сажаютъ прямо прошивъ Тани ,
 И , упренией луны блѣднѣй

И препелный гонимой лани,
Она темнѣющихъ очей
Не подымаєть: пышетъ бурно
Въ ней шайный жаръ; ей душно, дурно;
Она привѣтствій двухъ друзей
Не слышитъ; слезы изъ очей
Хотяшь капать; ужъ голова
Бѣдняжка въ обморокъ упастъ:
Но воля и разсудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила пишкомъ
И усидѣла за споломъ.

XXXI.

Траги - нервическихъ явлений,
Дѣвичьихъ обмороковъ, слезъ
Давно терпѣть не могъ Евгений:
Довольно ихъ онъ перенесъ.

Чудакъ , попавъ на пиръ огромной ,
 Ужь былъ сердитъ . Но , дѣвы томной
 Замѣтия трепетный порывъ ,
 Съ досады взоры опустивъ ,
 Надулся онъ , и негодуя
 Поклялся Ленскаго взбѣсить
 И ужь порядкомъ отомстить .
 Теперь , заранѣ торжествуя ,
 Онъ сталъ черпить въ душѣ своей
 Каррикатуры всѣхъ гостей .

XXXII.

Конечно не одинъ Евгений
 Смятенье Тани видѣть могъ ;
 Но цѣлью взоровъ и сужденій
 Въ то время жирный былъ пирогъ
 (Къ несчастію , пересоленной) ;
 Да вонъ въ бушлатѣ засмоленной ,

Межу жаркимъ и блан - манже,
 Цимлянское несупть уже ;
 За нимъ спрой рюмокъ узкихъ , длинныхъ ,
 Подобныхъ шаліи твоей ,
 Зизи , кристаль души моей ,
 Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ ,
 Любви приманчивый філль ,
 Ты , отъ кого я пьянь бываль !

XXXIII.

Освободясь отъ пробки влажной ,
 Бутылка хлопнула ; вино
 Шипитъ ; и вошъ съ осанкой важной ,
 Купленемъ мучимый давно ,
 Трике встаетъ ; предъ нимъ собранье
 Хранитъ глубокое молчанье .
 Татьяна чупъ жива ; Трике ,
 Къ ней обратясь съ листомъ въ рукѣ ,

Запъль фальшивя. Плески , клики
 Его привѣшиваютъ. Она
 Пѣвцу пристесьть принуждена ;
 Поэтъ же скромный , хоть великій ,
 Ея здоровье первый пьетъ
 И ей куплетъ передаетъ.

XXXIV.

Пошли привѣты , поздравленья ;
 Татъяна всѣхъ благодаритъ.
 Когда же дѣло до Евгенья
 Дошло ; по дѣвы шомный видъ ,
 Ея смущеніе , успалость
 Въ его душѣ родили жалость :
 Онъ молча поклонился ей ,
 Но какъ - по взоръ его очей
 Былъ чудно иѣженъ. Отъ того ли ,
 Что онъ и вправду пронутъ былъ ,

Иль онъ; кокетствуя, шалилъ,
 Невольно ль, иль изъ доброй воли,
 Но взоръ сей нѣжность изъявилъ:
 Онъ сердце Тани оживилъ.

XXXV.

Гремяще опадинутые стулья;
 Толпа въ госпину валиТЬ:
 Такъ пчель изъ лакомаго улья
 На ниву шумный рой лепитъ.
 Довольный праздничнымъ обѣдомъ,
 Сосѣдъ солиши передъ сосѣдомъ;
 Подсѣли дамы къ комельку;
 Дѣвицы шепчутъ въ уголку;
 Сполы зеленые раскрыты:
 Зовутъ задорныхъ игроковъ
 Бостонъ и ломберъ спариковъ,
 И висѣть донынѣ знаменитый,

Однообразная семья,
Всё жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Ужь восемь робертовъ сыграли
Герои виста ; восемь разъ
Они мѣста перемѣняли ;
И чай несуть. Люблю я часъ
Опредѣляшь обѣдомъ , чаемъ
И ужиномъ. Мы время знаемъ
Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ :
Желудокъ — вѣрный нашъ брегетъ ;
И кспати я замѣчу въ скобкахъ ,
Что рѣчь веду въ моихъ спрофахъ
Я столь же часто о лирахъ ,
О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ ,
Какъ ты , божественный Омиръ ,
Ты , тридцати вѣковъ кумиръ !

XXXVII.

Въ пирахъ гоповъ я непослушно
 Съ твоимъ боропься божесвшомъ ;
 Но , признаюсь великодушно ,
 Ты побѣдилъ меня въ другомъ :
 Твои свирѣпые герои ,
 Твои неправильные бои ,
 Твоя Киприда , твой Зевесь
 Большой имѣють перевѣсь
 Передъ Онѣгинымъ холоднымъ ,
 Предъ сонной скучою полей ,
 Передъ И — — — моей ,
 Предъ нашимъ воспитаньемъ моднымъ ;
 Но Таня (присягну) милый
 Елены пакостной твоей .

XXXVIII.

Никто и споришь шутъ не станетъ ,
 Хоть за Елену Менелай

Сто лѣть еще не перестанеть
 Казнить Фригійскій бѣдный край ,
 Хоть вкругъ почтенного Пріама
 Собранье стариakovъ Пергама ,
 Ее завидя , вновь рѣшишъ :
 Правъ Менелай , и правъ Паридъ .
 Что жъ до сраженій , то немного
 Я попрошу васъ подождать :
 Извольте далѣе читать ;
 Начала не судите строго ;
 Сраженье будетъ . Не солгу ,
 Честное слово дать могу .

XXXIX.

Но чай несупъ : дѣвицы чинно
 Едва за блюдочки взялись ,
 Вдругъ изъ - за двери въ залѣ длинной
 Фаготъ и флейта раздались .

Обрадованъ музыки громомъ ,
 Оставя чашку чаю съ ромомъ ,
 Парисъ окружныхъ городковъ ,
 Подходитъ къ Ольгѣ Пѣтушковъ ,
 Къ Татьянѣ Ленскій, Харликову ,
 Невѣспу переспѣлыхъ лѣпъ ,
 Берепъ Тамбовскій мой поэтъ ,
 Умчалъ Буяновъ Пуспякову ,
 И въ залу высыпали всѣ ,
 И баль блеститъ во всей красѣ .

XL.

Въ началѣ моего романа
 (Смотрите первую главу)
 Хотѣлось въ родѣ мнѣ Альбана
 Баль Петербургскій описать ;
 Но , развлечень пустымъ мечтаньемъ ,
 Я занялся воспоминаньемъ

О ножкахъ мнѣ знакомыхъ дамъ.
 По вашимъ узенькимъ слѣдамъ ,
 О ножки, полно заблуждаться !
 Съ измѣной юности моей
 Пора мнѣ сдѣлаться умнѣй ,
 Въ дѣлахъ , и въ слогѣ поправляться ,
 И эту пятую шепрадь
 Опѣ отступленій очищать.

XLI.

Однообразный и безумный ,
 Какъ вихорь жизни молодой ,
 Кружится вальса вихорь шумный ;
 Чеша мелькаетъ за четой .
 Къ минутѣ миѳеня приближаясь ,
 Онѣгинъ , впайнѣ усмѣхаясь ,
 Подходитъ къ Ольгѣ . Быстро съ ней
 Вершится около гостей ,

Потомъ на стуль ее сажаетъ ,
 Заводитъ рѣчъ о шомъ , о сѣмъ ;
 Спустя минуты двѣ , попомъ
 Вновь съ нею вальсъ онъ продолжаетъ ;
 Всѣ въ изумленыи . Ленскій самъ
 Не вѣришь собственнымъ глазамъ .

XLII.

Мазурка раздалась . Бывало ,
 Когда гремѣль мазурки громъ ,
 Въ огромной залѣ все дрожало ,
 Паркешъ прещалъ подъ каблукомъ ,
 Тряслися , дребежали рамы ;
 Теперь не то : и мы , какъ дамы ,
 Скользимъ по лаковымъ доскамъ .
 Но въ городахъ , по деревнямъ ,
 Еще мазурка сохранила
 Первоначальные красы :

Припрыжки , каблуки , усы
 Все тѣ же ; ихъ не измѣнила
 Лихая мода , намъ тиранъ ,
 Недугъ новѣйшихъ Россіянъ.

XLIII.

Подковы , шпоры Пѣтрушкиова
 (Канцеляристы отставнаго)
 Стучапъ ; Буянова каблукъ
 Такъ и ломаешь полъ вокругъ ;
 Трескъ , топотъ , грохочь по порядку :
 Чѣмъ дальше въ лѣсъ , тѣмъ больше дровъ ;
 Теперь пошло на молодцовъ ;
 Пустились , только не въ присядку .

Ахъ , легче , легче : каблуки
Опдають дамскіе носки !

XLIV.

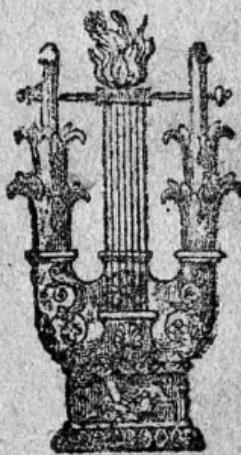
Буяновъ , братецъ мой задорный ,
Къ герою нашему подвель
Татьяну съ Ольгою : проворный
Онѣгинъ съ Ольгою пошелъ ;
Ведя путь ее , скользя небрежно ,
И наклоняясь ей щепчетъ нѣжно
Какой - то пошлый мадригалъ ,
И руку жметъ — и запылалъ
Въ ея лицѣ самолюбивомъ
Румянецъ ярче . Ленскій мой
Все видѣлъ : вспыхнулъ , самъ не свой ;
Въ негодованіи ревнивомъ
Поэлъ конца мазурки ждеть
И въ копильонъ ее зоветъ .

XLV.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
 Да Ольга слово ужь дала
 Онѣгину. О Боже, Боже!
 Что слышитъ онъ? Она могла...
 Возможно ль? Чуть лишь изъ пеленокъ,
 Кокетка, вѣпренный ребенокъ!
 Ужь хитрость вѣдаешь она,
 Ужь измѣняшь научена!
 Не въ силахъ Ленскій снести удара;
 Проказы женскія кляня,
 Выходитъ, требуетъ коня
 И скачетъ. Писполетовъ пара,
 Двѣ пули — больше ничего —
 Какъ разъ рѣшатъ судьбу его.

Прилѣт. На 48 стран., въ 13 стихѣ
ошибкой напечатано заѣтты вмѣсто зѣ-
воты.

Продается въ С. Петербургъ
во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по
десѧти рублей за экземпляръ.
За пересылку въ другіе города
прилагается 80 копѣекъ.